

СИБИРСКИЕ ОГНИ

АЛЬМАНАХ

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

О Г И З
Новосибирское Областное
Государственное Издательство
1944

СИБИРСКАЯ СТРАНИЦА В БИОГРАФИИ А. П. ЧЕХОВА

(К 40-летию со дня смерти великого писателя)

ПЕРВЫЕ СТРОКИ

« — Отчего у вас в Сибири так холодно?

— Богу так угодно! — отвечает возница.

Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акации и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед и в оврагах лежит еще снег...

Зато никогда в жизни не видел я такого множества дичи. Я вижу, как дикие утки ходят по полю, как плавают они в лужах и придорожных канавах, как вспархивают почти у самого возка и лениво летят в березняк. Среди тишины вдруг раздается знакомый мелодичный звук, глядишь вверх и видишь высоко над головой пару журавлей, и почему-то становится грустно. Вот пролетели дикие гуси, пронеслась вереница белых, как снег, красивых лебедей... Стонут повсюду кулики, плачут чайки...

Обгоняем две кибитки и толпу мужиков и баб. Это переселенцы.

— Из какой губернии?

— Из Курской.

...Переселенцев я видел еще, когда плыл на пароходе по Каме. Помнится мне мужик лет сорока с русой бородой; он сидит на скамье на пароходе; у ног его мешки с домашним скарбом, на мешках лежат дети в лапотках и жмутся от холодного, резкого ветра, дующего с пустынного берега Камы. Лицо его выражает: «Я уже смирился». В глазах ирония, но эта ирония устремлена во внутрь, на свою душу, на всю прошедшую жизнь, которая так жестоко обманула.

— Хуже не будет! — говорит он и улыбается одной только верхней губой.

В ответ ему молчишь и ни о чем не спрашиваешь, но через минуту он повторяет:

— Хуже не будет!

— Будет хуже! — говорит с другой скамьи какой-то рыжий мужичонка — переселенец с острым взглядом — будет хуже!»

Это первая страничка из дорожного дневника Антона Павловича Чехова, который он вел в пути, проезжая ранней весной 1890 г. через Сибирь, первые «чеховские мысли и чувства», возникшие у него в Сибири. Мысли и чувства эти, как видим, были невеселыми.

«Чтобы развлечь себя, — записывает Чехов на следующих страницах своего дневника, — переносюсь мыслями в родные края, где уже весна и холодный дождь не стучит в окна, но, как нарочно, мне вспоминается жизнь вялая, серая, бесполезная... Нет охоты возвращаться назад».

Чехов вступил в литературу с веселыми рассказами. Он изображал жизнь «вялую, серую, бесполезную». Но на эту жизнь он смотрел с насмешливым любопытством. И в ранних его рассказах звучал веселый, добродушный смех над уродствами жизни.

В середине восьмидесятых годов вышел сборник рассказов, которые печатались за подписью «А. Чехонте» в юмористических журналах и газетах. Сборник назывался «Пестрые рассказы». Очень верную и точную оценку этого сборника дал В. Г. Короленко. Он писал: «Вся книга, проникнутая еще какой-то юношеской беззаботностью и, пожалуй, несколько легким отношением к жизни и к литературе, сверкала юмором, весельем, часто неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной печали, уже подкрадывавшейся кое-где сквозь яркую смешливость, — еще более оттеняли молодое веселье этих действительно «Пестрых рассказов».

Да, Чехов в то время действительно легко относился и к жизни и к литературе. В письме Григоровичу он сознавался: «До сих пор я относился к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря». «Я пишу, как птица поет, — говорил он. — Сяду и пишу... Написать очерк, рассказ, сценку мне не стоило никакого труда... Смеялся сам и смешил окружающих». Из-под пера Чехова вышли уже тогда такие значительные произведения, как «Смерть чиновника», «Дочь Альбиона», «Толстый и тонкий», «Орден», «Хамелеон», «Экзамен на чин».

После выхода сборника «Пестрые рассказы» Чехов начинает с большей ответственностью подходить к своей литературной работе. Известное влияние в этом отношении оказал на Чехова писатель Григорович. Сборник «Пестрые рассказы» еще печатался, когда Чехов получил от него письмо-признание, письмо-призыв. «У Вас настоящий талант, — писал Григорович, — талант,двигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения...

Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий».

Призыв старого писателя нашел живой отклик в душе Чехова. Он ответил ему взволнованным письмом, которое кончается словами: «Вся надежда на будущее. Мне еще только 26 лет. Может быть успею что-нибудь сделать».

Чехов начинает ответственнее относиться к своему литературному творчеству, глубже, серьезнее наблюдает, изучает жизнь. А жизнь тогда была особенно тяжелой и мрачной. Это были 80-е годы — глухие годы реакции. Народ был придавлен тяжелой пятой самодержавия. Среди значительной части интеллигенции царили настроения растерянности, пессимизма, проповедь «малых дел», толстовское «опрошенство». Александр Блок писал об этих годах:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.
И не было ни дня, ни ночи.
А только — тень югромных крыл.

«Всем скверно живется, — восклицает Чехов в одном из своих писем, — насколько я понимал порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дряг и пошлостей, мешающихся и чередующихся».

В новых его рассказах появляется горестное раздумье над жизнью и все сильнее и сильнее звучит, вместо веселого и добродушного смеха, смех обличительный, протестующий. Сильнее и беспощаднее становится сатирическое изображение темных сторон жизни и неприглядных черт в характере и поступках людей. «И, если прежде, — пишет биограф Чехова А. Дерман, — он иногда серьезную тему опускал до уровня забавного анекдота, то теперь, наоборот: порой заправский анекдот, как, например, о том же чиновнике, чихнувшем нечаянно генералу на лысину и умершем от страха, Чехов подымает на высоту изображения рабской психологии забитого человека».

В 1888 году Чехов впервые появляется на страницах толстого журнала. В «Северном вестнике» печатается его первая крупная повесть — «Степь», а затем — «Огни», «Скучная история». Вышел новый сборник рассказов — «В сумерках». Академия наук присудила Чехову за этот сборник половину пушкинской премии. Антон Павлович Чехов получил широкую известность и признание. И вдруг, как пишут многие биографы, в это время Чехов собрался в поездку на остров Сахалин.

Михаил Павлович Чехов, брат писателя, сообщает в своих воспоминаниях, что «собрался Антон Павлович на Дальний Восток как-то вдруг, неожиданно, так что в первое время трудно было понять, серьезно он говорит об этом или шутит».

Возможно для родственников эта поездка была неожиданной. Но для самого Антона Павловича она была не случайной, решение поехать возникло у него «не вдруг», «не неожиданно».

Поездка Чехова на остров Сахалин является прямым следствием происшедшего во второй половине 80-х годов перелома в его творчестве, результатом более вдумчивого, серьезного отношения к жизни и к своей литературной работе. Антон Павлович понимал (это правильно подметил Короленко в своем мемуарном очерке о Чехове), что в его руках не простая забавная игрушка, а великая драгоценность, обладание которой налагает на него большую ответственность. После огромного успеха его рассказов, выдвинувших его в первый ряд русских писателей, читатели, критика ждали от Чехова широких картин русской жизни, больших обобщений.

Ожидание это было справедливым. Но чтобы оправдать его, надо — Чехов это чувствовал, понимал — более глубоко, более полно знать жизнь, знать страну. Критик Дивильковский высказал в свое время правильное предположение, что Чехов предпринял свое путешествие на Сахалин для того, чтобы «довершить свое понимание русской жизни». Об этом есть прямое указание и самого Чехова в письме Суворину: «Быть может, — писал он за месяц до отъезда, — я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому».

Кроме того, Чехов смотрел на свою поездку, как на акт общественной деятельности, общественно-полезного служения народу, науке. «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа... нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек». В качестве одной из конкретных целей путешествия было изучение жизни заключенных каторжан. Чехов намеревался (и выполнил это намерение) написать научное исследование о каторге и ссылке. «Я хочу написать хоть 100—200 страниц, — писал он Суворину, — и этим немножко заплатить своей медицине».

Но почему целью поездки был избран именно Сахалин? На этот вопрос дает правильный, на наш взгляд, ответ А. Дерман в своей книге о Чехове: «Обострившееся внимание писателя к от-
Зак. № 3475. 12а.

рицательным сторонам русской действительности повлекло его туда, где мрак был всего гуще и беспросветнее».

Сахалин был тогда одним из самых страшных мест России. Каторжане сложили про него выразительную поговорку: «Кругом море — посредине горе». Там находились каторжные тюрьмы с самым жестоким режимом. Начиная с 1875 г. царское правительство заселяло остров ссыльными. К приезду туда Чехова штрафного поселения на острове было около десяти тысяч человек.

Суворин писал Чехову, что Сахалин никому не нужен, ни для кого не интересен. Антон Павлович ответил ему страстным письмом: «Сахалин может быть не нужен и не интересен только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов... Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили, зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, разномыслили преступников и все это сваливали на тюремных, красноносых смотрителей».

Думается, что известное влияние на решение съездить на Сахалин оказал на Чехова В. Г. Короленко. В своих воспоминаниях Владимир Галактионович упоминает о его разговоре с Чеховым о Сибири. «Я недавно вернулся из Сибири, — пишет Короленко, — и во мне еще были живы и свежи глубокие впечатления от ее величаво-угрюмой природы и ее людей».

Вполне возможно, что именно эта «сибирская беседа» Короленко, автора прекрасного очерка «Соколинец», об одиссее группы бродяг, бежавших с Сахалина, а не лекции по тюремоведению, как утверждает М. П. Чехов, послужили первоначальным толчком мысли Антона Павловича о поездке на Сахалин.

Готовясь к поездке, Чехов прочитал много книг о Сибири и Дальнем Востоке. Это «Сибирская история» Фишера, «Путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии», «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, «Труды экспедиций Русского Географического общества в Сибирь», «Описание путешествия капитана Сарычева на северо-восток Сибири», «Материалы о военных действиях лейтенантов Хвостова и Давыдова, предпринятых против Японии в 1806 году», статьи декабриста Завалишина по Амурскому вопросу в «Морском сборнике», «Записки охотника Восточной Сибири» Черкасова, сводки метеорологических наблюдений на Сахалине и отчеты о состоянии сельского хозяйства, записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина¹.

¹ Список привожу по статье А. Н. Турунова «Сибирские фельетоны и письма А. П. Чехова».

Как мы видим из этого перечня книг, Чехов, отправляясь в Сибирь, интересовался не только тюремоведением и ссылкой, но и географией, историей, экономикой и даже метеорологией Сибири и Дальнего Востока. Любопытен этот перечень и по фамилиям авторов. Это преимущественно путешественники, исследователи, которых Чехов называл подвижниками, самым поэтическим и жизнерадостным элементом общества.¹

«ИЗ СИБИРИ»

Ранней весной 1890 года Антон Павлович сообщал в одном письме: «Через 10—15 дней прилетят жаворонки. Но увы! — наступающая весна кажется мне чужою, ибо и от нее уеду».

21 апреля 1890 года друзья и родные Чехова проводили его в Ярославль, где он сел на волжский пароход и плыл на нем до Перми, а оттуда ехал по железной дороге до Тюмени. В Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке тогда не было еще железной дороги, и Чехов весь путь от Тюмени до Сахалина (четыре тысячи верст) проделал в тарантасе и на пароходах.

Из Тюмени он выехал на лошадях 3 мая, 7 мая был на берегу Иртыша, 12 мая переехал Обь, 15 мая приехал в Томск и сделал здесь остановку на неделю. 21 мая выехал из Томска. 25 был в Мариинске, 28 — в Ачинске и вечером того же дня в Красноярске. Пробыл в Красноярске сутки и снова двинулся в безостановочный путь — до Иркутска, где опять сделал недельную остановку. Из Иркутска выехал 11 июня. Два дня прожил в Листвянке, на берегу Байкала, 14 июня на пароходе поехал по Байкалу до Ключево, а затем на лошадях доехал до Сретенска. Здесь, 20 июня, окончилось путешествие на лошадях. «Итак, конно-лошадинное странствие мое кончилось, — писал Антон Павлович. — Продолжалось оно 2 месяца. Если исключить время, потраченное на железные дороги и пароходы, 3 дня, проведенные в Екатеринбургe, неделю в Томске, день в Красноярске, неделю в Иркутске, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожидание лодок во время разлива, то можно судить о быстроте моей езды».

Дальнейший путь до Сахалина Чехов проделал уже на пароходе. 20 июня он выехал на пароходе «Ермак» по реке Шилке, с 21 июня плыл по Амуру, а 10 июля высадился в Александровском порту — тогдашнем административном центре острова Сахалина.

Более двух с половиной месяцев длилось путешествие Чехова: он проехал через Сибирскую равнину, Барабинскую степь, Ма-

¹ См. статью «Н. М. Пржевальский», т. XI, стр. 202.

ринскую и Енисейскую тайгу, через горы Забайкалья, он плыл по дальневосточным рекам. Он видел сибирскую природу, ее солнце и небо, ее леса и ее реки, ее озера и ее горы на огромном пространстве. Он наблюдал жизнь сотен притрактовых деревень, уездных и губернских городов, он встречал сотни новых для него людей. «Право, — замечает Чехов в письме, отправленном из Благовещенска, — столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно».

Отправляясь в поездку на Сахалин, Чехов задумал помещать в «Новом времени» короткие дорожные заметки. В пути Антон Павлович вел «короткий дневник карандашом». Посылку путевых заметок в газету он предполагал начать с Томска, «ибо путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз». В Томске Чехов получил от Суворина телеграфный запрос о скорейшей присылке в газету дорожных очерков и это заставило его изменить свое решение. В номере томской гостиницы он засел за переработку в очерки своих записей в дневнике.

«Посылаю Вам шесть глав, — писал он Суворину из Томска. — Если какие строки найдете интересными и достойными печати, то передайте их благодетельной гласности, подписав мою фамилию и печатая их тоже отдельными главками, через час по столовой ложке. Общее название можно дать «Из Сибири», потом «Из Забайкалья», потом «С Амура» и т. д.».

Эти первые шесть глав путешествовали с почтой от Томска до Петербурга свыше месяца и были опубликованы в «Новом времени» 24—29 июня.

Продолжение своих очерков Чехов послал только из Благовещенска. В письме от 27 июня он сообщил Суворину: «Сегодня послал Вам четыре листка об Енисее и Тайге, потом пришлю о Байкале, Забайкалье и Амуре. Вы не бросайте эти листки, я собираю их и по ним, как по нотам, буду рассказывать то, что не умею передать на бумаге. Теперь я пересел на пароход «Муравьев», который, говорят, не дрожит; авось буду писать».

Посланные из Благовещенска четыре листка были напечатаны в «Новом времени» 20 и 24 июля и 23 августа. Они составили последние три главы (VII, VIII, IX) очерков, опубликованных в полном собрании сочинений под заглавием «Из Сибири». Очерки эти охватывают всего только треть пути Чехова. Предположение послать очерки о Байкале, Забайкалье и Амуре, повидимому, не осуществилось. Чехов предполагал их писать, как видно из процитированного выше письма к Суворину, на пароходе, во время путешествия по Амуру, но оказалось, что «пароход дрожит» и писать на нем не было возможности, даже письма Чехова с этого парохода были краткими — трудно было писать.

11 июля Антон Павлович приехал на Сахалин. Но и с Сахалина он не послал своих очерков о Байкале, Забайкалье и Амуре. В новой обстановке у Чехова не было, очевидно, ни времени, ни схоты возвращаться к обработке своих дорожных впечатлений. Правда, путь от Николаевска на Амуре до Де-Кастри на Сахалине Чехов кратко описал на первых страницах книги «Остров Сахалин», путь же от Красноярска до Николаевска на Амуре запечатлен Чеховым только в письмах.

Антон Павлович послал с пути сравнительно много писем — семье и ряду близких ему в то время людей. Он писал с Волги, с Камы, из Тюмени, Ишима, с берега Иртыша, из села Яр (под Томском), из Томска, Мариинска, Ачинска, Красноярска, Иркутска, Лиственничной (на берегу Байкала), с амурского парохода «Ермак», из Горбицы (казацкая станица на берегу Шилки), из Покровской (станция на берегу Амура), из Благовещенска, из Рауде, с амурского парохода «Муравьев», из Николаевска, с парохода «Байкал», с острова Сахалин.

Из сравнения писем Чехова из Сибири с его путевыми очерками видно, что письма служили для него своего рода литературными заготовками, были своеобразным путевым дневником, отдельные куски из которого он потом почти без изменений вставлял в свои очерки.

Чеховские письма и путевые очерки — это, в большинстве, наспех нанесенные на бумагу штрихи, дорожные пятна и блики. Но штрихи эти сделаны умным и тонким наблюдателем, замечательным мастером слова. И из этих отрывочных зарисовок встают перед читателем прекрасные выразительные образы, замечательно яркие художественные картины Сибири. И очерки, и письма в живой, яркой форме передают свежие непосредственные впечатления писателя от новой для него природы и новых людей.

В письме из Томска Суворину Антон Павлович бросает такую фразу о своих сибирских очерках: «В них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири». Это правда, правда в том смысле, что в очерках Чехова мы видим Сибирь, увиденную глазами Чехова, услышанную его ушами, Сибирь, прошедшую «через собственную грудь» художника. Тем интереснее эти записки для изучения сибирской страницы в биографии Чехова.

ЧЕХОВСКИЕ «ЧУВСТВА И МЫСЛИ» О СИБИРИ

Первая страница чеховских записок о Сибири посвящена, как мы уже показали в начале этой статьи, переселенцам. «Я гляжу на них, — пишет Чехов, — и думаю: «порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, пожертвовать для этого родным

краем и родным гнездом может только необыкновенный человек, герой...»

Будет ли им хуже в Сибири? Один из спутников Чехова на пароходе, «рыжий мужичонко — непереселенец» заявляет категорически: «Будет хуже!». Сам Чехов не дает на этот вопрос прямого ответа, хотя и бросает в своих очерках фразу о том, что когда он думает о родных краях (центральной части России), то ему вспоминается «жизнь вялая, серая, бесполезная», и у него самого «нет охоты возвращаться назад».

В первые же дни путешествия по Сибири Чехов увидел главное зло тогдашней Сибири: царско-чиновничий гнет, ссылку, отсталость. «Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, — писал Антон Павлович, — и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей».

Сибирь тогда не могла быть «счастливейшей землей». Она, как и вся страна, находилась под властью самодержавия. В Сибири, как и вообще на окраинах России, царизм «намеренно культивировал патриархально-феодальный гнет, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» (И. Сталин). Сибирь, этот богатейший край, заселенный вольнолюбивыми народами, был превращен в место каторги, ссылки, страданий.

«...Мы обгоняем этап, — записывает Чехов в своем путевом дневнике. — Звеня кандалами, идут по дороге 30—40 арестантов, по сторонам их — солдаты с ружьями, а позади — две подводы. Один арестант похож на армянского священника, другого, высокого, с орлиным носом и с большим лбом, я как будто видел где-то в аптеке за прилавком, у третьего — бледное, истощенное серьезное лицо, как у монаха-постника. Не успеваешь оглядеть всех. Арестанты и солдаты выбились из сил: дорога плоха, нет мочи идти... До деревни осталось еще десять верст. А когда придут в деревню, наскоро закусят, напьются кирпичного чаю и тотчас же повалятся спать и тотчас же их облепят клопы — злейший, непобедимый враг тех, кто изнемог и кому страстно хочется спать».

Такие этапы были в Сибири бытовым явлением. Но самое страшное Чехов увидел потом, на Сахалине. «Сахалин представляется мне целым адом», — писал Антон Павлович, возвратившись оттуда.

Чехов видел экономическую и культурную отсталость Сибири. «Сибирский тракт, — писал он, — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете... Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рьябая полоса земли, эта черная оспа есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! И по такой жи-

ле в Сибирь, говорят, течет цивилизация!». По дороге «не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы».

Чехов отмечает в своих очерках и такое страшное зло Сибири, как чиновничий произвол. Порода сибирских чиновников была особенная, даже в сравнении с гоголевско-щедринскими держимордами центральной России. Вот характеристика, которую дал Чехов одному из представителей сибирской администрации: «Заседатель — это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратник, лгун». Произвол в Сибири этих гибридов был безграничен. «У нас по всей Сибири, — говорил Чехову один крестьянин, — нет правды. Ежели и была какая, то уже давно замерзла».

Заседателям, состоящим из «густой смеси» Ноздрева и собаки, царским администраторам, «оскверняющим русское имя», и разного рода тюремщикам Чехов противопоставлял народ, который он сердечно любил, которым гордился и в силы и освобождение которого беспредельно верил. Эта любовь, эта вера были тем источником, который питал его творчество. Поездка по Сибири укрепила в нем эту веру. В письме именно из Сибири прозвучала знаменитая фраза Чехова:

«Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!».

Много печальных слов сказал Чехов об угнетенной, каторжной жизни народа в Сибири и на Дальнем Востоке. Он горестно смотрел на невзгоды этой огромной российской окраины, он тяжело страдал, видя каким насилиям и надругательствам подвергается его родной народ. Но как бы ни были тягостны картины, которые он наблюдал здесь, его ни разу не покидало чувство гордости за русского человека, за его силу и красоту, жизнедеятельность и талантливость.

Очерки и письма Чехова из Сибири почти на каждой странице пестрят такими фразами:

«Какие хорошие люди»;

«Народ здесь добрый, ласковый»;

«Народ-то ведь здесь стоящий, — записывает Чехов слова одного сибиряка, — сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень, чтоб пьяница»;

Сибирячки «толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе; мужья не бранят и не бьют их, потому что они так же высоки и сильны, и умны, как их повелители; они, когда мужей нет дома, ямщикают; любят каламбурить».

И в письмах и в очерках Чехов много раз подчеркивает чест-

ность и чистоплотность сибиряков и их «манеру жить». «И в самом деле, по всему тракту не слышно, чтоб у проезжего что-нибудь украли. Нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые». «Комнаты у них убраны просто, но чисто... Вас не посадят пить чай без скатерти, когда подают воду или молоко, не держат пальцы в стакане, посуда чистая, квас прозрачен, как пиво — вообще чистоплотность».

А. П. Чехова радовало то, что в сибирском пейзаже нет дворянской усадьбы. «Усадеб по дороге не встретите, так как помещиков здесь нет», — отмечает он в одном из своих писем. Эту особенность сибирского ландшафта отмечал и другой писатель — Г. И. Успенский, побывавший в Сибири двумя годами раньше Чехова.

«Все это прямо наше, российское, — писал Г. Успенский, — но в то же время есть во всем этом что-то и новое, что сразу решительно не поймешь и необразишь... «Нет барского дома» — вдруг озаряет мысль молчаливо сказавшееся слово, и вся тайна настроения, и вся сущность непостижимой до сих пор «новизны» становится совершенно ясной и необычайно радостной». «Есть человек, проживший на своем веку без малейшей прикосновенности к барскому дому: когда мы, обыватели Европейской России, видели такого крестьянина?».

Сибирский крестьянин не имел понятия о барском доме, о «на конюшне», о бурмистре, о «барской барыне», «не был бит в морду Карлом Карловичем» — и все это накладывало особый отпечаток на его характер, на весь его быт. Особенности сибиряка отмечали многие писатели и исследователи.

А. М. Горький говорил как-то, что Сибирь была заселена «живым беспокойным народом: политическими ссыльными, беглыми крепостными и просто смелыми вольнолюбивыми людьми». Г. И. Успенский с восхищением писал о самостоятельности сибирского крестьянина, о «гордости сибирского мужика».

Примечательно в этом смысле указание В. И. Ленина в статье «Крепостники за работой»: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен».

Эту же черту сибиряка отметил Чехов: «Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями». И в другом письме: «Здесь не боятся говорить громко... Народ все больше независимый, самостоятельный».

Особенно привлекала и радовала Антона Павловича активная, волевая, жизнеутверждающая черта характера русского народа. Года за два до поездки на Сахалин он выступил в печати со статьей о Н. М. Пржевальском, в которой он назвал исследова-

телей, землепроходцев, людей подвига самым поэтическим и жизнерадостным элементом общества. «Их личность, — писал Чехов, — это живые документы, указывающие обществу, что, кроме... скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов..., есть еще люди подвига, веры и ясно осознанной цели».

Таких людей он встречал в Сибири. «Я завидовал Сибирякову, который, как я читал, из Петербурга плывет на пароходе в Ледовитый океан, чтобы оттуда пробраться в устье Енисея», — писал Антон Павлович в сибирских очерках. В этих же очерках он отмечал: «Не дальше как 25—30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые нужно боготворить человека».

В беседе с А. М. Горьким Антон Павлович сказал однажды: — Человек сделал землю обитаемой, он сделает ее и уютной для себя.

Кивнув упрямо головой, повторил:

— Сделает.

Во весь голос эта уверенность звучит в сибирских очерках. «На Енисее жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась», — записывает он в дневнике. Долго любовался писатель могучей сибирской рекой. «Я стоял и думал, — пишет он далее, — какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега».

В сибирских записях Чехова есть много великолепных зарисовок сибирской природы, пейзажей, ландшафтов.

О сибирской природе писали многие литераторы — невольные жители Сибири. Но они, как правило, воспринимали ее через призму изгнанических настроений. И, описывая сибирскую природу, они лгали на нее, сами не сознавая этого.

Лучшие и непревзойденные произведения о Сибири создал В. Г. Короленко, бывший несколько лет в сибирской ссылке. Но от образов сибирской природы, созданных Короленко, веет «мраком и холодом». Сибирь рисовалась ему «холодной и дикой пустыней», «обширной и угрюмой». Горы и скалы — «сумрачными», камни — «мертвыми и бесплодными», реки — «пустынными», берега — «угрюмыми», сопки — «хмурыми и холодными».

С. Я. Елпатьевскому сибирское небо показалось «тусклым», река — «тусклой», берега — «тусклыми», лес — «унылым». Обывательница у него такое сравнение: «Как будто пропитанная водой губка — почва вылила на поверхность избыток своей влаги, и эта болотная вода выступила безобразными пятнами, разливаясь по низинам».

Так видели сибирскую природу и Шиманский, и Астырев, и Серошевский, и многие другие писатели. То есть видели ее не такой, какова она есть.

А. П. Чехов первый из русских писателей иначе, правильно увидел Сибирь, ее людей, ее природу. Этап, каторга, чиновничий произвол не лишили его способности видеть красоту родной страны, «ее степей холодное молчанье, ее лесов безбрежных колыханье, разливы рек ее, подобные морям».

По Западной Сибири Чехов ехал в распутицу, во время разлива рек. Он испытывал здесь много путевых невзгод и лишений, и наброски Чехова о первой части пути носят мрачный колорит. В письме из Иркутска он сообщал: «Ехать было тяжело, временами несносно и даже мучительно; разливы рек, холод, питание исключительно чаем, грязная одежда, тяжелые сапоги, невылазная грязь — все это имело для меня подавляющее значение и отодвигало природу и сибирского человека на второй и третий план». Имело, очевидно, влияние и состояние здоровья Антона Павловича: «У меня по утрам бывало кровохарканье, — писал он из Томска, — которое наводило на меня нечто вроде уныния, возбуждая мрачные мысли».

Но вот расцвела весна, улучшилась дорога, и сибирская природа открылась перед Чеховым во всем своем величии и своеобразной красоте. Чехов назвал ее «оригинальной, величавой и прекрасной».

Особенно сильное впечатление произвел на писателя Енисей:

«В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость... На Енисее жизнь началась стоном, а кончится удастью, какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая со страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно. Невысокие валы обгоняют друг друга, теснятся и описывают спиральные круги, и кажется странным, что этот силач не смысляет берегов и не пробуравил дна. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные... Много у меня было разных мыслей и все они путались и теснились, как вода в Енисее, и мне было хорошо...».

Горы, окружающие Красноярск, напоминали Антону Павловичу Кавказ. «А когда перед вечером, уезжая из города, я переплывал Енисей, — сообщал он сестре, — то видел на другом берегу совсем уже кавказские горы, такие же дымчатые и мечтательные... Горы и Енисей — это первое оригинальное и новое, встреченное мною в Сибири».

Чехов с нетерпением ждал тайгу. На его пути она началась после Енисея. «О ней много говорили и писали, а потому от нее ждалось не того, что она может дать, — записал Чехов в своем

дневнике. — Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на нее внимания, во вторые и третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого зеленого чудовища. Взберешься на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, а за ним третий и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед — и опять та же картина... Все время, пока я ехал по тайге, заливались птицы, жужжали насекомые; хвой, согретые солнцем, насыщали воздух густым запахом смолы, поляны и опушки у дороги были покрыты нежноглубыми, розовыми и желтыми цветами, которые ласкали не одно только зрение...»

Штрихи, блики, зарисовки сибирской природы разбросаны во всех очерках и письмах из Сибири.

«Опять еду... Уже светло и золотится перед восходом небо. Дорога, трава в поле и жалкие молодые березки покрыты изморозью, точно засахарились».

Где-то в ишимской степи Чехов видит из своего тарантаса палы. «По сторонам дороги и вдаль на горизонте змееобразные огни: это горит прошлогодняя трава, которую здесь нарочно поджигают. Она сыра и туго поддается огню и потому огненные змеи ползут медленно, то разрываясь на части, то потухая, то опять вспыхивая. Огни искрятся, и над каждым из них белое облако дыма. Красиво, когда огонь вдруг охватывает высокую траву: огромный столб вышиною в сажень поднимается над землей, бросит от себя к небу большой клуб дыма и, тотчас же падает, точно проваливается сквозь землю. Еще красивее, когда змейки ползают в березнике, весь лес освещается насквозь, белые стволы отчетливо видны, тени от березок переливаются со световыми пятнами».

Многое приятно поразило и порадовало Антона Павловича в сибирской природе. Когда в Сибири появятся свои поэты, — писал он, — то сибирская природа будет служить для них «неиссякаемым золотым прииском». Его восхищали и сибирские реки, и озера, и леса, и горы, и яркость сибирского солнца. В одной из деревень он наблюдал, как женщина месила тесто: солнце через окно обливало своими лучами тесто и руки женщины, и писателю показалось, будто сибирячка замешивала тесто на солнечных лучах.

О Байкале он писал: «Байкал удивителен, и не даром сибиряки называют его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух... Говорят,

что на глубоких местах дно за версту видно, да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду».

Путь от Байкала на восток писатель назвал «сибирской поэзией». «Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии». «Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел, — писал он родным, — и Кавказ, и долину Пела, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

«Амур чрезвычайно интересный край. До чортиков оригинален. Жизнь здесь кипит такая, о которой в Европе и понятия не имеют. Она, т. е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить... Проплыл я уже по Амуру 1000 верст и видел миллионы роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга». «Описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну, как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки — вот Вам и Амур».

Чехов остался чрезвычайно доволен своим путешествием по Сибири и Дальнему Востоку. «Я доволен и благодарю бога, — читаем мы в одном из его сибирских писем, — что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие... Многие я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения получаемые от отдыха — все вместе взятое так хорошо, что и описать не могу».

СИБИРЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЕХОВА

В литературном наследии Чехова Сибирь не нашла широкого отображения. Кроме цикла очерков «Из Сибири», сибирская и сахалинская темы затронуты лишь в трех рассказах: «В ссылке», «Гусев», «Убийство» и в книге «Остров Сахалин».

Книга о Сахалине является научным исследованием, и критики справедливо расценивают ее, как самую выдающуюся страницу в общественной биографии Чехова. Антон Павлович сам высоко ставил эту свою работу. Он называл ее «литературным ис-

точником и пособием». «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе, — писал он, — будет висеть и сей жестокий арестантский халат».

Но сибирские и сахалинские впечатления Чехова, «чеховские чувства и мысли», которые у него возникли во время сибирского путешествия, нашли отражение и в ряде других его произведений, сюжетно хотя и не связанных с Сибирью и Сахалином. В первый же год по возвращении с Сахалина Антон Павлович выступил с повестью «Дуэль». Действие «Дуэли» происходит не на Сахалине, а в Абхазии, но она безусловно, как указывает критик А. Роскин, навеяна Сахалином. В этой повести Чехов описывает чиновников, которых он наблюдал на Сахалине, описывает ностальгию — болезненно-острую тоску по родине, которую, как мы знаем из чеховского примечания в книге «Остров Сахалин», он наблюдал среди проживающих на Дальнем Востоке чиновников и офицеров.

Чехов перенес действие «Дуэли» с Сахалина в Абхазию, чтобы придать своему произведению «более широкое реальное звучание», достичь большего обобщения. «Чехов как бы заранее отвечает оппонирующему ему читателю, что дело не в исключительных условиях, в которых живут чиновники на Сахалине, а в общих условиях русской жизни, условиях, когда даже чудесная природа не только не приносит должного счастья, а, наоборот, превращается в источник душевной муки» (А. Роскин).

Вторым крупным произведением Чехова после возвращения его с Сахалина является «Палата № 6», одно из самых общественно-значимых его произведений. Внешне «Палата № 6» так же, как и «Дуэль», не связана непосредственно с поездкой на Сахалин, но она безусловно отразила те впечатления, которые получил Чехов от изучения жизни ссыльных на Сахалине. Смотрителей Никит, людей за решеткой, крайнюю степень унижения человеческой личности, подавление свободной мысли, светлых стремлений Чехов видел в наиболее обнаженном виде именно на Сахалине.

Будущий исследователь творчества А. П. Чехова отметит ряд других его произведений, навеянных или продиктованных Сибирью и Сахалином. Мы ограничимся в данной статье указанием, что путешествие по Сибири на Сахалин имело глубокое влияние вообще на взгляды и настроения Чехова. Некоторые биографы Чехова указывают, что это путешествие явилось поворотным моментом в творчестве писателя. «В результате этого путешествия, — пишет А. Дерман, — произошли какие-то существенные изменения в колорите и в самом духе творчества Чехова». Сам Чехов писал в одном из писем после возвращения с Сахалина: «Какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома! До поездки «Крей-

перова соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — чорт меня знает».

Да, Чехов возмужал от поездки. И это прежде всего сказалося в решительном отходе его от толстовства. И рассказ «В ссылке» и повесть «Палата № 6», написанные под впечатлением поездки, направлены, кроме всего прочего, и против толстовской философии о «непротивлении злу насилием».

Еще до поездки, как мы отметили в первой главе настоящей статьи, в творчестве Чехова появляется горестное раздумье над жизнью, веселый и добродушный смех сменяется смехом «сквозь слезы», смехом обличительным, протестующим. После поездки, которая явилась важнейшим этапом в возмужании Чехова, писатель выступает с произведениями, в которых резкие, гневные, обличительные ноты начинают звучать все сильнее и сильнее. Одно за другим появляются в печати такие произведения, как «Дуэль» (1891 г.), «Палата № 6», «В ссылке» (1892 г.), «Рассказ неизвестного человека» (1893 г.), «Черный монах» (1894), «Три года», «Ариадна», «Убийство» (1895), «Дом с мезонином», «Моя жизнь» (1896), «Мужики», «Дядя Ваня» (1897), «Человек в футляре», «Случай из практики» (1898), «В овраге» (1900) и т. д.

В этих произведениях Чехов рисует широкие, сложные, объективные картины русской жизни. Та же «Палата № 6» является изображением не одной какой-то больницы или тогдашних российских больниц вообще, это картина жизни всей страны тогдашнего времени. «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, — говорил В. И. Ленин, — мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

В рассказе «Человек в футляре» один из персонажей восклицает: «Нет, больше жить так невозможно!». Это восклицание является подтекстом всех произведений Чехова.

Великий писатель всю свою жизнь рисовал отрицательные стороны абсолютистской России, гневно обличал темные силы, угнетавшие Россию, высмеивал пороки, вьевшиеся в русскую жизнь. Вместе с тем произведения Чехова проникнуты огромной жизнеутверждающей силой, верой в человека, мечтой о свободной, счастливой жизни.

«Великие художники русские, — писал А. Блок, — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчая-

нии, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, что жизнь прекрасна».

К имениам, названным Блоком, с полным правом может быть присоединено имя Антона Павловича Чехова. Это он, Чехов, провозглашал устами одного из героев своих произведений: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, пренебрежение к труду, гнилую скуку».

Чехова называли «хмурым писателем», «певцом сумеречных настроений». Он справедливо возмущался:

— Какой я нытик? Какой я «хмурый человек», какая я «холодная кровь»? Какой я пессимист? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ — «Студент».

Это тот рассказ, в котором Чехов пишет об исторической преемственности поколений и где герой рассказа, размышляя над жизнью, решает, что «правда и красота, направляющие человеческую жизнь, ...продолжались непрерывно до сего дня и, видимо, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле... и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Чехов верил в свет, верил в торжество жизненной силы народа, восхищался величием русского народа, чистотой его души и мощью его богатырской силы. В рассказе «Крыжовник» он говорит о России: «Как велика, как прекрасна эта страна».

«Каждый новый рассказ Чехова, — писал А. М. Горький, — все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

Это было написано в 1900 году о рассказе «В овраге». Рассказ «В овраге», как известно, по своему содержанию трагический, очень мрачный. Но и в нем, как отметил Алексей Максимович, звучит эта органически свойственная Чехову нота бодрости и любви к жизни.

«— Жизнь долгая, будет еще и хорошего, и дурного, всего будет! — говорит один из героев рассказа. — Велика матушка Россия. Я во всей России был и все в ней видел и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Я ходоком в Сибирь ходил и на Амуре был, и на Алтае, и в Сибирь переселился, землю там пахал, соскучился потом по матушке России и назад вернулся в родную деревню... Вот и помирать не хочется, милая, еще бы годочков двадцать пожить, значит, хорошего было больше. А велика матушка Россия!..»

В цитированной выше статье А. М. Горький писал: «Когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, со-

страдающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает».

Сорокалетие со дня смерти нашего великого писателя мы отмечаем в суровые дни Отечественной войны с немецким фашизмом. В войне этой мы защищаем свободу человека, честь и независимость нашей родины, культуру нашего народа, в арсенале которой есть такие гениальные творения, как книги Чехова. В войне этой участвует вместе с нами своим бессмертным словом Антон Павлович Чехов, беспощадный обличитель деспотизма, угнетения, приниженности, рабства, всего того, что хотел принести и навязать нам оголтелый немецкий фашизм.
